2. Бахтин М. Эстетика словесного творчества / М.Бахтин. – М.: Искусство, 1986. – 444 с.

3. Плачинда С. "Так хотілося вирощувати хліб…" / Сергій Плачинда; [Розпитував С.Козак] // Літературна Україна. – 2010. – 29 квітня. – С. 6.

4. Плачинда С. Юрій Яновський: Біографічний роман / Сергій Петрович Плачинда. – К.: Молодь, 1986. – 256 с.

УДК 821.161.1: 82-31"18"

СПОСОБЫ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕРСОНАЖЕЙ В ПОВЕСТИ Е.АЛАДЬИНА "КОЧУБЕЙ"

Рагрина Ж.М., студентка

Запорожский национальный университет

В статье освещаются способы характеристики персонажей в повести Е.Аладьина "Кочубей". Рассматриваются такие приемы, как система антитез и оппозиций, диалог и монолог, самохарактеристика, авторская характеристика, характеристика персонажей другими персонажами.

Ключевые слова: романтизм, историческая повесть, антитеза, оппозиция, герой, характеристика.

Рагріна Ж.М. ЗАСОБИ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕРСОНАЖІВ У ПОВІСТІ Є.В.АЛАДЬЇНА "КОЧУБЕЙ" / Запорізький національний університет, Україна.

Стаття висвітлює засоби характеристики персонажів у повісті Є.Аладьїна "Кочубей". Розглядаються такі прийоми, як система антитез та опозицій, діалог та монолог, самохарактеристика, авторська характеристика, характеристика персонажів іншими.

Ключові слова: романтизм, історична повість, антитеза, опозиція, герой, характеристика.

Ragrina Z.M. THE WAYS OF CHARACTERIZING PERSONAGES IN THE STORY "KOCHUBEY" BY E.ALADJIN / Zaporizhzhya National University, Ukraine.

The ways of characterizing personages are described in the story "Kochubey" by E.Aladjin. We examine such ways as system of syntheses and oppositions, dialogue and monologue, a self-characteristic, the characteristics by author and by other heroes.

Key words: romantic, historical novel, antithesis, opposition, a hero, characteristic.

Е.Аладьин – один из русских поэтов и прозаиков начала 19 века. Творчество этого писателя практически не изучено, не смотря на то, что он был создателем и редактором журнала 19 века "Невский альманах", в котором печатали свои произведения А.Пушкин, К.Рылеев, В.Жуковский и другие. Активная издательская деятельность совпала по времени с его интенсивным писательским творчеством. В жанровом отношении произведения Аладьина многообразны. Это элегии, оды, баллады, поэмы. Успехом у читателей пользовались его исторические и светские повести. Особый интерес представляет вышедшая в 1817 году повесть "Кочубей".

Начало 19 века характеризуется развитием новых литературных форм и жанров. Одним из таких жанров становится историческая повесть.

Ранняя историческая повесть сближалась с байронической поэмой. Это проявлялось в особенностях сюжета, характере героев, и изображаемых событий. Большое внимание уделялось занимательным сюжетам и необычным, эффектным ситуациям. Однако усиление занимательного элемента зачастую вело к свободной интерпретации исторических фактов. Неоднократно поднимался вопрос о соотношении исторического материала и элементов авторского вымысла в исторической повести 19 века [4].

Большинство романтиков тяготело не столько к изображению жизни и деятельности отдельных исторических личностей, сколько к показу событий исторического прошлого, к воспроизведению бытовой, а нередко и общественной атмосферы, в которой протекала жизнь героев, создавая не повесть-характеристику, а повесть-событие. Таким было и анализируемое произведение.

Подобно поэме Байрона "Мазепа", Е.Аладьин изображает несколько эпизодов украинской истории, связанных с именем знаменитого гетмана Ивана Мазепы. Русский романтик дает свою трактовку происходившим событиям и историческим героям, создает яркие, многогранные, но крайне неоднозначные характеры.

Писателей-романтиков всегда интересовала украинская история. Это может быть объяснено как тягой к экзотичности, занимательности, остроте сюжетных линий, так и вниманием к проблеме свободы и

свободолюбия. Чаще других обращало на себя внимание имя Мазепы, а вместе с ним и Кочубея (К.Рылеев "Войнаровский", Ф.Булгарин "Мазепа", А.Пушкин "Полтава", А.Корнилович "Жизнеописания Мазепы", Дж.Байрон "Мазепа").

В процессе создания образа исторической личности у автора появляется необходимость дополнить известные по достоверным сведениям черты реального лица чертами вымышленными, что обусловило различную художественную интерпретацию личности и деятельности Мазепы и Кочубея в произведениях романтиков. С этой трудностью столкнулся и Аладьин.

Критики и литературоведы (в частности, В.Жирмунский) говорили о том, что писатели-романтики не церемонятся с историей, намеренно искажая факты для создания занимательного сюжета [2]. Аладьин на основании почерпнутых из "Истории Малой России" (авторство предположительно приписывается Д.Бантыш-Каменскому) сведений о любви Мазепы к дочери Кочубея, создает сюжет своего произведения. Пушкин писал об этой повести: "Некто в романтической повести изобразил Мазепу старым трусом, бледнеющим перед вооруженной женщиною, изобретающим утонченные ужасы, годные во французской мелодраме, и пр. Лучше было бы развить и объяснить настоящий характер мятежного гетмана, не искажая своевольно исторического лица" [10, 119]. (Интересно, что к написанию "Полтавы" А.Пушкина подтолкнула именно повесть Е.Аладьина. Он использовал повесть Аладьина как материал для любовной фабулы поэмы, но не назвал ни имени автора, ни названия повести, на которую опирался).

Воссоздавая свое видение лиц и событий, Е.Аладьин прибегает к традиционным для романтической литературы средствам и способам характеристики.

Вся повесть построена на системе разноплановых антитез и оппозиций. Оппозиция – *Мазепа в молодости / Мазепа в зрелом возрасте* становится ключевой и основополагающей в повести. Именно в молодости закладываются предпосылки для поступков, которые будут совершены позже, поэтому значимы воспоминания престарелого гетмана: "В цвете пылкой юности, паж двора Казимира, статный и красивый, как Иосиф, я полюбил шестнадцатилетнюю Терезу, жену седого, угрюмого вельможи" [1, 289], за что был приговорен к казни. Будущий гетман все же остается в живых, но не может "молиться творцу за спасение жизни" [1, 289]. В нем просыпается адская ненависть к человечеству.

Поверив в свою избранность, руководствуясь ненавистью, Мазепа наделяет себя правом вершить судьбы людей, которые отныне для него становятся лишь средством и способом достижения целей. (Этот эпизод изображает в поэме "Мазепа" и Дж.Байрон. Однако у него Мазепа наделен едва ли не ореолом святости).

В повести Е.Аладьина Мазепа проводит параллели между собой и мифологическими героями, библейскими персонажами. Прежде всего, сравнивает себя с Прометеем, титаном, который, оживив людей, защищал их от произвола богов. Мазепа же примеряет на себя маску спасителя отечества, выступает якобы за независимость и самостоятельность украинского народа, при этом "отлагается к ляхам" [1, 286] Необходимо отметить и то, что имя "Прометей" расшифровывается как "предвидящий", "мыслящий прежде". С одной стороны, и Мазепа может предвидеть свое будущее, ощущает, что проклянут имя его. Но, с другой, – говорит о том, что он "дальновиден и осторожен": "где не дадут мне парить орлом, там проползу змеею и ужалю смертельно" [1, 290].

Сравнения с орлом и змеей не случайны. Орел – величественная, сильная птица, ассоциируется с солнцем, и, как следствие этого, с монархом, его силой и властью. Змея означает смерть и уничтожение. В таком варианте орел олицетворяет силы добра, а змея – силы вражеские и злые.

Оппозиция *свет / тьма* проявляется и еще в одном сравнении: Прометей – Авадон. Прометей символ света, добра, защиты, Авадон – ангел бездны, символ уничтожения, смерти.

Как свет / тьма противопоставлен Мазепе и Кочубей, что проявляется уже на лексическом уровне: *светлый дом Кочубея, ясные очи, светлая душа*, *жизнь как светлый праздник.* Мазепа же в повести ассоциируется только с темными цветами.

Оппозиция *Мазепа / Кочубей* в контексте авторской интерпретации прошлого значима. Показательно уже то, что произведение названо не именем гетмана. Романтическая повесть требует обязательного присутствия избранной личности, противопоставленной обществу и находящейся в конфликте с окружающей средой. Такой личностью у Аладьина, в отличие от других авторов, становится Кочубей. Автор обнаруживает себя как лицо, солидаризующееся с центральным персонажем, что находит выражение в многочисленных авторских обращениях к нему – предостережении, сочувствии, возмущении, участии к судьбе героя.

Однако идеализация одного героя неизменно ведет к ухудшению его антагониста, следовательно, противопоставление Кочубея Мазепе было неизбежным.

По сути, Кочубей – это глубоко трагическая личность, на долю которой выпадают титанические испытания и страдания. Прежде всего, это достойный патриот, воин, для него невыносима мысль о потере Украиной независимости. Во-вторых, он заботливый и любящий отец. Следовательно, не может

смириться с потерей дочери. Он проходит через страдания и испытания, но не смотря на это, остается добродетельным, справедливым, что позволяет говорить об оппозиции *праведник / безбожник*.

Молитва Мазепы, которую, по сути, молитвой назвать нельзя, сводится к тезису "*Творец спас меня для мщения, а значит, мои желания – закон мой*" [1, 290]. Кочубей искренно молится Богу, верит, что "на все воля Божья", цитирует слова пророка Иеремии. Он не желает мстить, во всем полагается на волю Бога: "Я не отниму у Бога власти испытывать бессильных и карать утеснителей. Никогда не обагрю рук моих в крови изверга – но человека" [1, 294]. Особенно значимы эти молитвы в свете того, что Мазепа справедливо наказан за совершение злодеяния, Кочубей же страдает незаслуженно. Здесь можно провести параллель с библейским *Иовой*, праведником-страдальцем. Кочубей и сам говорит об этом: "В суде своем он (Мазепа) положил испытать меня, как Иова, еще ужаснее. Храмина задавила непорочных детей многострадального – родной злодей обольстил дочь мою, наплевал на мои слезы" [1, 298].

Известно, что романтики склонны к обыгрыванию ситуаций и к символизму. На наш взгляд, в повести представлена ситуация *подданный-господин*, которая в принципе является диффузной. Семантика фамилии "Кочубей" от "кочевой бей" – "второй князь", то есть, второй после господина. Мазепа же – гетман, то есть главный, следовательно, требует подчинения. Кочубей не подчиняется. В связи с этим необходимо вспомнить фразу, сказанную Мазепой в начале повести: "в сердце моем появилась ненависть к человечеству, адская ненависть к *сильнейшим* меня" [1, 289] Кочубей сильнее и мудрее Мазепы, а жестокость гетмана продиктована страхом разоблачения. Кочубей и развенчивает миф об идеальности Мазепы, обращается к нему со словами: "Я не убийца твой, но каратель" [1, 293]. Отсюда еще одна оппозиция – *палач / жертва,* которая как и оппозиция *сюзерен / вассал*, является диффузной: в роли как палача, так и жертвы выступают оба героя. Гетман говорит Кочубею: "Я не баба, я обиженный тобою твой гетман". Первое ключевое слово – *обиженный*, а значит, будет мстить, второе ключевое слово – *твой,* а значит, требует повиновения, пытается сделать его средством исполнения своих желаний. Осознав опасность в лице Кочубея, Мазепа по собственному желанию (снова вступает в силу тезис "мои желания - закон мой") вершит суд над бывшим другом и единомышленником. Однако суд Кочубея над Мазепой еще более значимый: это своеобразный синтез и Божьего суда, и суда людей.

Важно и то, что Мазепа – *разрушитель*. Разрушает не только мир в семье Кочубея, но и веру в независимость Украины. Кочубей – *созидатель.* Он создает счастливую семью, стремится к созданию независимого государства.

Еще одним характерологическим приемом в исторических произведениях начала 19 века можно считать авторскую характеристику, значимость которой во многом определялась умением автора индивидуализировать и детализировать внутренний мир героя. Характеристики Мазепы и Кочубея и в этом случае противоположны. Аладьин наделяет Мазепу негативными эпитетами: *презреннейший из человеков*, в то время как Кочубей – *светлый и славный;* Кочубей – *добродетельный,* Мазепа – *порочный;* Кочубей – *мудрый, благородный,* Мазепа – *мстительный, корыстолюбивый;* Кочубей – *добрый, нежный*, Мазепа – *жестокий, хищный.*

Для раскрытия характеров персонажей важное значение имеют взаимохарактеристики. "Василий Леонтьевич! – сказал Мазепа сидевшему об руку с ним Кочубею. – Ты счастливейший человек в мире. Кто не позавидует тебе?... Кроме язв чести, ты не знал недугов; золота у тебя, как песку окрест Киева; на твою Любовь нельзя наглядеться, на твоих детей мало века налюбоваться. Жизнь твоя течет, как светлый праздник, весело и беззаботно" [1, 282]. Однако здесь и проявление качеств Мазепы: он завидует и считает зависть естественным чувством: "Кочубей, Кочубей! Я завидовал твоему счастию – как знать не буду ли плакать о твоих горестях? Нет, я не буду плакать" [1, 288].

Символичен эпиграф к этой главе:

Наше счастие разбитое
видим мы игрушкой волн.
И в далекий край сердитое
Море мчит наш бедный челн [1, 282].

Несущий разрушение Мазепа *разбивает* благополучный уклад жизни семьи Кочубеев, ставшей *игрушкой в* руках гетмана. Следовательно, можно говорить и о своеобразной пророческой функции эпиграфов.

Необходимо подчеркнуть и роль еще одного эпизодического персонажа – Заленского, который появляется в повести дважды в кульминационных моментах (первый раз – перед похищением Марии, второй – перед казнью Кочубея и Искры) и выступает своеобразным "змеем-искусителем". Это человек из близкого окружения Мазепы, его советник, подталкивающий гетмана к злодейским поступкам. В моменты, когда Мазепа колеблется, какой путь выбрать, Заленский ловко подталкивает его на сторону зла. Доказывает это диалог между ними, который состоялся перед похищением Марии. "Заленский, где друзья в этом мире? Что, если они мне изменят?" – спрашивает Мазепа. В ответ "громко захохотал злобный иезуит и насмешливо смотрел на изумленного Мазепу: "А разве нет для них темниц?.. Гетман, ободритесь, живите для себя. Прочее – все мечта! – говорит он" [1, 290]. Заленского автор характеризует

словами *злобный, неистовый вольнодумец, и др.* Так же, как и Мазепа, он противопоставлен Кочубею и в то же время Искре, преданному другу и подчиненному Кочубея. Таким образом, появляется еще одна оппозиция: с одной стороны Кочубей и Искра – с другой Мазепа и Заленский. По словам автора, это противопоставление "небесной благодати адским зернам" [1, 291].

Проанализировав произведение, мы выявили основные способы характеристики персонажей в романтической повести первой половины 19 века. Во-первых, это система антитез и оппозиций, обусловленная требованиями романтизма; присутствие в произведении героя и его антагониста, причем идеализация одного неизменно ведет к ухудшению качеств другого. Во-вторых, это монологи и диалоги, которые раскрывают внутренний мир персонажей. Анализируя речь говорящего, интонацию, построение фраз, можно получить представление о его характере, эмоциональном состоянии. В-третьих, это различные характеристики: авторская, самохарактеристика, характеристика персонажа другими персонажами. В-четвертых, обращено внимание на пророческую роль эпиграфов в романтическом произведении. Каждую главу анализируемой повести предваряет эпиграф, предсказывающий новый поворот событий. В-пятых, немаловажное значение играет символика слов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аладьин Е.В. Кочубей // Предания веков. Русская историческая повесть 19 – начала 20 столетия: В 2-х т. / под ред. О.Ю.Петренко. – Т. 1. – К.: Дніпро, 1990. – С. 282-309.
2. Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин. – Л.: Академия, 1924. – 150 с.
3. Канунова Ф.З. Эстетика русской романтической повести / Ф.З.Канунова. – Томск: Изд-во Томск. Ун-та, 1973. – 184 с.
4. Костомаров М.І. Галерея портретів: Біографічні нариси / М.І.Костомаров. – К.: Веселка, 1993. – 326 с.
5. Костомаров Н. И.Мазепа / Н.И.Костомаров. – М.: Республика, 1992. – 335 с.
6. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н.Николюкина. – М.: Интелвак, 2003. – 1600 с.
7. Пути русской прозы 19 века / Под ред. Я.С.Билинкиса. – Л.: ЛГПИ, 1976. – 127 с.
8. Русская историческая повесть первой половины 19 века / под ред. В.И.Коровина. – М.: Советская Россия, 1989. – 368 с.
9. Русская повесть 19 века. История и проблематика жанра / под ред. Б.С.Мейлаха. – Л.: Наука, 1973. – 565 с.
10. Сватонь В. К характеристике декабристкой прозы // Русская литература. – 1966. – № 3. – С. 46-52.
11. Шаталов С.Е. История романтизма в русской литературе: Романтизм в русской литературе 20-30-х гг. XIX в. (1825-1840). – М.: Наука, 1980. – 328 с.

УДК 821.161.2-31.09’06

ОБРАЗ ІВАНА БОГУНА В ОДНОЙМЕННОМУ РОМАНІ Ю.СОРОКИ

Разживін В.М., к. філол. н.

Слов’янський державний педагогічний університет

Статтю присвячено проблемі інтерпретації образа Івана Богуна в однойменному романі Ю.Сороки. Розглядається специфіка моделювання образа головного героя, авторська версія його життєвого шляху.

Ключові слова: історичний роман, моделювання ,образ, інтерпретація, авторська версія.

Разживин В.Н. ОБРАЗ ИВАНА БОГУНА В ОДНОИМЕННОМ РОМАНЕ Ю.СОРОКИ / Славянский государственный педагогический университет, Украина.